

*Борукулова Г.Ш.*

**ЭТИШТИК ИНФИНИТИВДИН ЖАЛПЫ ТИЛ ИЛИМИНДЕ  
ИЗИЛДЕНИШИ**

*Борукулова Г.Ш.*

**ИЗУЧЕНИЕ ГЛАГОЛЬНОГО ИНФИНИТИВА В ОБЩЕМ  
ЯЗЫКОЗНАНИИ**

*G.Sh. Borukulova*

**STUDYING OF THE VERBAL INFINITIVE IN LINGUISTICS**

УДК: 811.511/7.378

*Бул макалада инфинитивдин сөз түркүмү катары этиштин грамматикалык категориялык системасында грамматикалык көрүнүш катары алган орду жана этиштик инфинитивдин синтаксистик конструкцияларда, сүйлөө речинде колдонулушу баяндалат. Тилдин жалпы теориясы жагынан алганда этиш, тилдин эки топко бөлүнүшүнүн негизинде айырмаланып эки чоң парадигмада каралат: мазмуну жана структуралык айкалышы. Изилденип жаткан этиштик инфинитив структуралык-грамматикалык парадигмага кирет бирок, кээ бир учурда семантикалык-грамматикалык парадигмага да кирет.*

**Негизги сөздөр:** *агглютинативдүү, флективдүү, этиштик инфинитив, этиштин өздук эмес формасы, предметтин семантикасы, процесстин семантикасы, этиштик белгилери.*

*В данной статье выясняется то, какое место занимает инфинитив как грамматическое явление в системе грамматических категорий глагола как часть речи и функционирование глагольного инфинитива в синтаксических конструкциях в речи. С позиции общей теории языка глагол может быть распределен по двум большим парадигмам, выделенным на основании соотношения двух языковых кланов: содержание и выражение. Изучаемый нами предмет глагольного инфинитива включается в структурно-грамматическую парадигму, но некоторые его проявления входят и в семантико-грамматическую парадигму.*

**Ключевые слова:** *агглютинативного, флективного, глагольного инфинитива, неличную форму глагола, семантику предмета, семантику процесса, признак глагольности.*

*In this article we find out what place an infinitive takes as the grammatical phenomenon in the system of grammatical categories of a verb as a part of speech and functioning of a verbal infinitive in syntactic constructions in the speech. From the position of the general theory of language, the verb can be distributed on two big paradigms allocated on the basis of a ratio of two language clans: maintenance and expression. The subject of a verbal infinitive studied by us joins to the structural-grammatical paradigm, but some of its manifestations are included into a semantical-grammatical paradigm too.*

**Key words:** *agglutinative, flective, verbal infinitive, non-finite form of the verb, semantics of the subject, process semantics, sign of verbality.*

Чтобы исследовать явления глагольного инфинитива, необходимо: *во-первых*, в качестве метаязыка исследования целесообразно избрать язык, который не соотносился бы напрямую с сопоставляемыми фактами германского аналитического английского языка

и тюркского агглютинативного кыргызского, поскольку тогда будет превалировать язык описания фактов исследования. В качестве такого метаязыка, «надязыка», языка-описания или языка, выступающего «третьим судьей» сопоставления, нами избран русский язык, относящийся так же, как и английский, к языковой индоевропейской семье, к славянской группе, к восточногерманской подгруппе [1, 429], но, в отличие от аналитического английского, являющегося языком флективного грамматического типа; *во-вторых*, из многообразия представленных в языкознании дефиниций явления глагольного инфинитива выбрать наиболее емкое и в тоже самое время наиболее точное, подходящее как для грамматических систем сопоставляемых нами аналитического английского языка и агглютинативного кыргызского, так и для функционального применения в процессе сопоставительного анализа при непосредственном соположении обозначенных грамматических систем.

Так, например, в немецком языке предлагается такое определение инфинитива: «Инфинитив (или неопределенная форма глагола) называет действие (или состояние) само по себе, вне связи с каким-либо лицом или временем» [2, с. 161].

Известный русский советский англист А.Н. Смирницкий избегает давать конкретизированную дефиницию явлению английского глагольного инфинитива. Для определения явления глагольного инфинитива ученый вводит понятие «категория репрезентации», которую он трактует как представленность инородного значения в семантике глагольного процесса. «Обозначение процесса в субстантивной и адъективной формах категорий репрезентации напоминает обозначение процесса в некоторых других частях речи, а именно: в существительном или прилагательном» [3, с. 247]. В таком понимании инфинитив представляет собой форму субстантивированной репрезентации процесса в глаголе.

Известный русский советский романист и специалист по теории французского языка В.Г. Гак, так же, как и предыдущий англист А.И. Смирницкий, не предлагает конкретной дефиниции французскому глагольному инфинитиву. Он определяет глагольный инфинитив как неличную форму глагола, которая выполняется в языке синтаксические функции: подлежащего, дополнения, обстоятельства, части составного

сказуемого-, и образует «... (во французском языке) особые конструкции, занимающие промежуточное положение между оборотом и придаточным предложением» [14, с. 142].

Представляется, что с позиции общей теории языка наиболее точную, объёмную и удачную дефиницию глагольного инфинитива дают авторы академического и научного «Лингвистического энциклопедического словаря»: «Инфинитив (от лат. *Infinitivus* - неопределенный) (неопределенная форма, устар. - неопределенное наклонение) – нефинитная форма глагола (вербоид), существующая во флективных и агглютинативных языках и используемая для оформления сказуемого, а также слов с предикатным значением в позициях именных членов предложения» [4].

В приведённом выше определении глагольного инфинитива ставится акцент на том, что явление инфинитива имеет место быть не только во флективных, но также и в агглютинативных языках. Но как же тогда быть с основным постулатом, лежащим в основе данной работы, что в тюркском агглютинативном кыргызском языке нет грамматической категории глагольного инфинитива? Напомним, что отсутствующее в грамматической системе кыргызского языка явление глагольного инфинитива находит замену: исходной формой кыргызского глагола становится форма 2-го лица единственного числа, повелительного наклонения (*отур* - садись, *ырда* - пой, *токто* - стой); также «инфинитиву в кыргызском языке по семантике соответствуют имена действия, т. е. особые производные формы глагола, образованные от корня или основы при помощи аффиксов -уу, -уу, -оо, -өө: *жаз* - *жазуу* (писание), *кел* - *келүү* (прибытие), *башта* - *баштоо* (начинание), *иште* - *иштөө* (работать), *оку* - *окуу* (чтение)» [5, с. 82].

Однако обратимся к другим тюркским языкам. Так, в якутском языке однозначно констатируется, что «собственной формой инфинитива в якутском языке нет. Но формам инфинитива других языков противопоставляются формы трех причастий. Эти формы: 1) форма на – *арга* в положительном спряжении и – *бакка* в отрицательном аспекте; 2) форма на – *ыахха* в положительном аспекте и – *ымыахха* в отрицательном; 3) форма на – *дахха* в положительном аспекте и – *батахха* в отрицательном» [6, с. 226-227].

В двух других тюркских а языках – башкирском и татарском, – однако, отмечается наличие инфинитивной формы глагола. В академической грамматике башкирского языка говорится: «Инфинитив является неличной формой глагола. В отличие от имени действия он функционирует исключительно как глагол, обозначающий процессуальное действие» [7, с. 318]. Наличие инфинитива признается и в татарском языке, где он причисляется к неспрягаемым глагольным формам вместе с другими глагольно-грамматическими формами: «К неспрягаемым формам относятся: имя действия *ук(ы)-у* ‘чтение’, *курү* ‘видение’, **инфинитив** *уку-рга* ‘читать’, *күр-ергә* ‘видеть’...» [8, с. 366.]

Таким образом, теоретическое положение, что явление глагольного инфинитива имеется во флективных и агглютинативных языках не полностью соответствует действительности языковому типу агглютинативных языков. Как можно было убедиться выше, глагольная форма инфинитива полностью отсутствует в агглютинативных тюркских – кыргызском и якутском языках, но в то же время она имеется в других агглютинативных тюркских языках – башкирском и татарском.

Возникает вопрос лингвотеретического плана: почему в кыргызском языке полностью отсутствует грамматическая глагольная форма инфинитива, в то время как в других тюркских языках такая глагольная форма есть? Какие причины и какие тенденции лежат в основе отсутствия в агглютинативном кыргызском языке глагольного инфинитива?

Следует также выяснить, какое место занимает категория глагольного инфинитива в системе грамматических категорий глагола; последний в аспекте общей теории языка может быть представлен как некий конструкт, грамматический концепт, инвариант конкретного глагола, эксплицирующегося в живом естественном языке, как в нашем случае в английском языке или же в кыргызском.

Глагол определяется в общей теории языка как «... часть речи, выражающая грамматическое значение действия (т.е. признака подвижного, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого» [4].

Грамматические категории глагола могут быть распределены по двум основаниям: 1. По семантико-грамматическому признаку конкретизации действия в его отношении к субъекту действия, который может выступить в двух ипостасях: как логический субъект и как грамматический субъект. Но «несмотря на непосредственные, прямые отношения между логическим и грамматическим субъектом, грамматическая категория субъекта глагольного действия более тяготеет к семантической реализации [9, с. 229], а, следовательно, является языковой, т.е. грамматической категорией. По данному семантико-грамматическому признаку классификации глагола в его категориальной системе можно выделить грамматические категории лица, числа, наклонения, времени, вида и залога. В русском языке грамматическая категория рода также может быть присуща глагольной категориальной системе, но только отдельным глагольным формам, к примеру, в прошедшем времени: *Орёл улетел. Птица улетела, но: Орёл летит. Птица летит. Или: Орёл прилетит. Птица прилетит.*

2. По грамматической форме представленности глагола в структуре предложения, где они могут иметь широкий спектр грамматических категорий (лица, числа, рода, наклонения, времени, вида и залога) – спрягаемые глаголы, а также где они «... могут быть представлены глаголами без каких-либо дополнительных характеристик» [9, с. 103] – неспрягаемые глаголы, которые, однако, также могут обладать

какими-либо грамматическими категориями, но в значительно меньшем количестве, например, в русском языке глаголы в неспрягаемой форме «... имеют вид, переходность и непереходность» [10, с. 104].

Неспрягаемые формы глагола, обозначаемые в языкознании ещё как неопределённые формы глагола, реализуются в трёх лексико-грамматических разновидностях: 1) как причастие, 2) как деепричастие и 3) как инфинитив.

Все обозначенные выше неспрягаемые, или неопределённые глагольные формы объединяются одним общим семантическим признаком наличия в их плане содержания некоторого значения, присущего другим именным частям речи. Так, «Причастие является такой формой глагола, которая сочетает признаки предмета и признаки имени существительного» [11, с. 362], «Деепричастие – неизменяемая форма глагола, объединяющая свойства глагола и наречия» [11, с. 367]. Что же касается инфинитива глагола, то он объединяет в себе признаки глагола и имени существительного: «... по своему происхождению инфинитив является именем с глагольной основой» [16, с. 429].

Инфинитив, таким образом, уподобляется имени существительному со значением действия, но отличается от него одним номинативно-семантическим признаком – имя существительное со значением действия представляет в языке **семантику предмета (хождение, гуляние, езда)**, в то же время как инфинитив глагола, называя действие или состояние, представляет в языке **семантику процесса**.

И такое совмещение в семантике глагольного инфинитива характерно не только для славянского флективного русского языка, но также и для германского флективного немецкого языка [13, с. 153], германского аналитического английского [3, с. 252] и для романского флективного французского языка [14, с. 142]. Это обусловлено тем простым фактом, что указанные выше языки, относясь к индоевропейской семье языков, получили данную категорию глагольного инфинитива в процессе своего диахронно-исторического развития. «Исторически инфинитив в индоевропейских языках представляет собой перешедшую в парадигму глагола форму имени со значением действия» [4].

Как уже отмечалось, что не только в индоевропейских флективных языках, как английский язык, но также и в некоторых тюркских языках, например, в башкирском и в татарском, функционирует грамматическая категория глагольного инфинитива. Обзорный анализ показывает, что план содержания инфинитива глагола в указанных тюркских языках так же, как и в языках индоевропейских, конституируется семантическими признаками собственно глагола и имени существительного со значением действия [7, с. 366].

Отметим также, что явление глагольного инфинитива в некоторых тюркских языках называется «масдары»: «Масдары по своему логическому значе-

нию представляет собой проекцию предметного имени в глаголе, то есть соответствует в системе имён-имени существительному, сохраняя статическое значение динамического признака – глагола ... например: каракалпакский *Oquw kitaby* ‘книга чтения’ → ‘книга для чтения’» [15, с. 66]. Однако данные масдары некоторым образом отличаются от собственно инфинитива в других тюркских языках, например, в башкирском или в татарском. В двух последних языках инфинитив может выступать во многих синтаксических позициях (подлежащего, части составного сказуемого, дополнения и определения), в то время как масдары занимают только одну синтаксическую позицию определения в притяжательных словосочетаниях как, например, в выше цитированном каракалпакском примере *Oquw kitaby*.

Необходимо также выявить основные характеристики синтаксического функционирования глагольного инфинитива, поскольку только синтаксис может отчётливо представить «... те механизмы языка (морфологические, фонетические, композиционные и др.), которые обеспечивают переход от языка к речи, способы образования из конечного числа исходных языковых элементов (слов, словоформ, словосочетаний, предложений) бесконечного множества речевых произведений ...» [4].

Глагольный инфинитив обычно может быть задействован в языке в любой синтаксической позиции главного и второстепенного члена предложения. Но, поскольку семантика инфинитива конституируется совокупностью глагольных и именных признаков, то при употреблении глагольного инфинитива в какой-либо синтаксической позиции в составе предложения один из этих составляющих (глагольный или именной) актуализируется и обуславливает план содержания члена предложения. Так, при употреблении инфинитива в синтаксической позиции подлежащего на передний план выступает именная часть значения инфинитива, поскольку в этом случае инфинитив предстаёт «как особая часть речи» и как слово, не причастны к спряжению» [16, с. 429]; например:

1. *Курить – здоровью вредить.*

Однако, если на передний план в значении инфинитива при его употреблении в составе предложения выдвигается семантический признак глагольности, то в этом случае данный инфинитив употребляется в составе сказуемого, неважно какого именного составного или же глагольного составного. В этом случае «инфинитив не заключает в себе своего субъекта, но требует его как прилагательное и глагол». [16, с. 430.]. Вернёмся и к тому же самому примеру:

2. Он будет **делать** эту работу;

3. Она хочет **читать**.

В примере (2) инфинитив «**делать**» занимает синтаксическую позицию неизменяемой части составного глагольного сказуемого, выражающего временное значение (будущего времени). В примере (3) инфинитивная форма глагола «**читать**» также занимает синтаксическую позицию неизменяемой части

составного глагольного сказуемого, но выражающего уже модальное значение (модальность желательности). В двух последних примерах глагольный инфинитив является зависим от других глагольных форм фазального в примере (2) и модального в примере (3), в этих примерах глагольная семантическая составляющая значения инфинитива актуализируется и выступает на передний план. «Инфинитив выступает в предложении чаще всего для обозначения предиката, зависимого от каузативных, модальных и фазальных глаголов» [4].

В случае, когда инфинитив глагола актуализирует именную семантическую составляющую своего значения, он может выступать в предложении в синтаксической позиции дополнения, например,

В синтаксической функции глагольный инфинитив эксплицирует роль несогласованного определения как во флективных языках (а также и в синхронно-современном аналитическом английском языке), так и в языках агглютинативных (разумеется, в тех, в которых признается наличие инфинитивной формы глагола), например;

5. У неё неоднократно возникала мысль **покинуть** этот город;

6. Миндэ атта йөрөргэ, сабырга оҫталык бар – У меня есть сноровка скакать на коне (башкирск.)

В связи с синтаксической позицией несогласованного определения, можно вспомнить об упомянутом ранее термине «масдары», который в некоторых тюркских агглютинативных языках выступает как другое, синонимичное обозначение явления глагольного инфинитива, например, в каракалпакском:

7. Jazy tamga – прописные буквы

Также общее значение инфинитива глагола может присоединить к себе, накладывая на совместную обобщённую, составную семантику глагола и имени существительного, и некоторые семантические оттенки, характерную для наречия. Это происходит в том случае, когда инфинитив занимает в структуре предложения обстоятельную позицию и выступает как «... член предложения, развивающий и поясняющий сказуемое, что можно было бы характеризовать как ‘изъяснение’ ... инфинитив выступает в более тесной связи с глаголом, возможно, его употребление с такими глаголами, при которых вообще не может быть дополнения» [3, с. 252]; например:

Таким образом, изучение глагольного инфинитива с общих позиций теории языка должно строиться на основополагающем и значимом для научных исследований дедуктивном методе, когда вначале определяются общие контуры предмета, а затем выявляются и анализируются частные его особенности, свойства и черты.

Глагол как носитель и репрезентант инфинитивной формы эксплицирует две взаимосвязанные между собой парадигмы: во-первых, это семантико-грамматическая парадигма, содержащая и включающая в

себя предикативные грамматические категории лица, числа, времени, вида, наклонения и залога; во-вторых, это структурно-грамматическая парадигма, содержащая и включающая в себя коррекцию двух противопоставляемых глагольных форм-глаголов спрягаемых (личных, определённых, финитных, вербальных форм) и глаголов неспрягаемых (неличных, неопределённых, инфинитивных, вербоидных форм).

Изучаемые нами явления глагольного инфинитива включаются во вторую структурно-грамматическую парадигму, наряду с другими неспрягаемыми глагольными формами: причастием, деепричастием и масдарами. Но они никак не замыкаются в обозначенной парадигме, а своими «выступающими» грамматическими составными частями соприкасаются с первой семантико-грамматической парадигмой, усиливая и эксплицируя свои содержательные и формально-структурные признаки и свойства.

#### Литература:

1. Филин Ф.П. Русский язык. - М.: Сов. энциклопедия, 1990. - С. 429.
2. Бергман Н.А., Натандон М.Д. Грамматика немецкого языка. - М.: Госучпедгиз, 1957. - С. 161.
3. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. - М.: Изд-во иностр. лит., 1959. - С. 247, 252.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Сов. энциклопедия, 1990.
5. Киргизский язык. Учебник для русск. групп вузов Кирг. ССР. Ахматов Т.К., Давлетов С.А., Жапаров Ш.Ж., Захарова О.В. - Фрунзе: Мектеп, 1975. - С. 82.
6. Грамматика современного якутского языка, отв. ред. Е.И. Убрятова. - М.: Наука, 1982. - С. 226-227.
7. Грамматика современного башкирского литературного языка, отв. ред. А.А. Юлдашев. - М.: Наука, 1981. - С. 318, 366.
8. Закиев М.З. Татарский язык. Языки мира: Тюркские языки, отв. ред. Э.Р. Тенишев. - Бишкек, 1997. - С. 366.
9. Слово и грамматические законы языка: Глагол. Шведова Н.Ю., Белоусов В.И., Касимова Г.К., Коробова М.М. - М.: Наука, 1989. - С. 103, 229.
10. Русский язык. Учебное пособие для учащихся. Баранов М.Т., Костяева Е.А., Прудникова А.В. - М.: Просвещение, 1989. - С. 104.
11. Современный русский язык. Учебное пособие для пед. институтов. Галкина-Федорук Е.В., Горшкова К.В., Шанский Н.М. - М.: Госучпедгиз, 1958. - С. 362, 367.
12. Жолдошбеков А., Абдыкаимова О.С. Немис жана кыргыз тилдеринин фономорфологиялык типологиясы. - КРСУ. - Бишкек, 2016. - С. 71.
13. Современный немецкий язык. Л.Р. Зиндер, Т.В. Строева. - М.: Изд-во иностр. лит., 1957. - С. 153.
14. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Учебное пособие для студентов факультетов и институтов иностр. яз. - Л.: Просвещение, 1976. - С. 142.
15. Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. - М.: Наука, 1981. - С. 66.
16. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). - М.-Л.: Учпедгиз, 1947. - С. 429, 430.

Рецензент: к.филол.н., доцент Жумалиева Г.Э.